

Роман Тименчик,
Рождение стиха из духа прозы
«Комаровские кроки» Анны Ахматовой
(Roman Timenčik, Roždenie sticha iz ducha prozy. "Komarovskie
kroki" Anny Achmatovoj)

aus:

Analysieren als Deuten
Wolf Schmid zum 60. Geburtstag

Herausgegeben von Lazar Fleishman, Christine Gölz und Aage A.
Hansen-Löve

S. 541-561

Impressum für die Gesamtausgabe

Bibliografische Information Der Deutschen Bibliothek

Die Deutsche Bibliothek verzeichnet diese Publikation in der Deutschen Nationalbibliografie; detaillierte bibliografische Daten sind im Internet über <http://dnb.ddb.de> abrufbar.

Diese Publikation ist außerdem auf der Website des Verlags Hamburg University Press *open access* verfügbar unter <http://hup.rrz.uni-hamburg.de>.

Die Deutsche Bibliothek hat die Netzpublikation archiviert. Diese ist dauerhaft auf dem Archivserver Der Deutschen Bibliothek verfügbar unter <http://deposit.ddb.de>.

ISBN 3-9808985-6-3 (Printausgabe)

© 2004 Hamburg University Press, Hamburg

<http://hup.rrz.uni-hamburg.de>

Rechtsträger: Universität Hamburg

Inhalt

Vom nicht abgegebenen Schuss zum nicht erzählten Ereignis	11
Schmid'sche Äquivalenzen <i>Aage A. Hansen-Löve (München)</i>	
Kein Elfenbeinturm für Wolf Schmid	19
15 Jahre Alexander-Sergejewitsch-Puschkin-Preis <i>Ulrich-Christian Pallach (Alfred Toepfer Stiftung F.V.S., Hamburg)</i>	
Critique of Voice	31
The Open Score of Her Face <i>Mieke Bal (Amsterdam)</i>	
Towards a Cognitive Theory of Character	53
<i>Willem G. Weststeijn (Amsterdam)</i>	
Literarische Kommunikation und (Nicht-)Intentionalität	67
<i>Reinhard Ibler (Marburg)</i>	
«Теснота стихового ряда»	85
Семантика и синтаксис <i>Michail Gasparov (Moskau)</i>	
О принципах русского стиха	97
<i>Vjačeslav Vs. Ivanov (Moskau, Los Angeles)</i>	
Эстетика тождества и «железный занавес» первого Московского царства	111
<i>Marija Virolajnen (St. Petersburg)</i>	
Семантический ореол «локуса»	135
Выбор места действия в художественном тексте <i>Tat'jana Civ'jan (Moskau)</i>	

Из истории сонета в русской поэзии XVIII века	151
Сонетные эксперименты. Случай «двуединого» сонета <i>Vladimir Toporov (Moskau)</i>	
Фантазия versus мимезис	167
О дискурсе «ложной» образности в европейской литературной теории <i>Renate Lachmann (Konstanz)</i>	
„Korinnas Reiz macht mir das Herze wund“	187
Zum quasinarrativen Element in Franciszek Dionizy Kniaźnins „Erotica“ (1779) <i>Rolf Fieguth (Fribourg)</i>	
Zur Poetik von Schota Rustaweli	219
<i>Winfried Boeder (Oldenburg)</i>	
Литература по ту сторону жанров?	231
<i>Igor' Smirnov (Konstanz)</i>	
О поэтике первых переживаний	259
<i>Jost van Baak (Groningen)</i>	
Медленное чтение «Евгения Онегина» как курс введения в литературоведение	277
<i>Aleksandr Čudakov (Moskau)</i>	
Поэзия как проза	299
Нарратор в пушкинской «Полтаве» <i>Lazar Fleishman (Stanford, California)</i>	
Poetry and Prose	337
Pushkin's Review of Sainte-Beuve's "Vie, Poésies et Pensées de Joseph Delorme" and the Tat'iana of Chapter Eight of "Evgenii Onegin" <i>David M. Bethea (Madison, Wisconsin)</i>	
«Не бось, не бось»	353
О народном шиболете в «Капитанской дочке» <i>Natalija Mazur (Moskau)</i>	

Der frühe russische Realismus und seine Avantgarde	365
Einige Thesen <i>Aage A. Hansen-Löve (München)</i>	
Где и когда?	407
Из комментариев к «Мертвым душам» <i>Jurij Mann (Moskau)</i>	
Сатирический дискурс Гоголя	417
<i>Valerij Tjupa (Moskau)</i>	
Macht und Ohnmacht des (Ich-)Erzählers	429
F. M. Dostoevskijs „Belye noči“ <i>Riccardo Nicolosi (Konstanz)</i>	
“Les jeux sont faits”	449
Money and Roulette as a Literary Communicative Device in “The Gambler” <i>Boris Christa (Queensland, Australia)</i>	
Сцена из «Фауста» в романе Достоевского «Подросток»	461
<i>Galina Potapova (St. Petersburg)</i>	
От «говорили» к «как-как-фонии»	483
Отчуждение языка в «Даме с собачкой» <i>Peter Alberg Jensen (Stockholm)</i>	
Die anthropologische Bedeutung und der poetische Aufbau Čechov’scher Erzählungen am Beispiel von „Nesčast’e“	499
<i>Matthias Freise (Salzburg, Göttingen)</i>	
Narration als Inquisition	513
Čechovs Kurzgeschichte „Novogodnjaja pytka. Očerk novejšej inkvizicii“ <i>Erika Greber (München)</i>	
Рождение стиха из духа прозы	541
«Комаровские кроки» Анны Ахматовой <i>Roman Timenčik (Jerusalem)</i>	

Кубовый цвет	563
Из комментария к словарю Набокова <i>Aleksandr Dolinin (Madison, Wisconsin)</i>	
Подводное золото	575
Ницшеанские мотивы в «Даре» Набокова <i>Saveli Senderovich, Elena Shvarts (Ithaca, NY)</i>	
Zur Kohärenz modernistischer Texte	591
Schulz' „Nemrod (Sklepy cynamonowe)“ <i>Robert Hodel (Hamburg)</i>	
«Доктор Живаго» Б. Пастернака и «Хождение по мукам» А. Н. Толстого	617
К вопросу о судьбах русского романа в двадцатом столетии <i>Vladislav Skobelev (Samara)</i>	
„Ja k vam pišu...“ – mediale Transformationen des Erzählens	631
Tat'janas Liebesbrief in Puškins Versroman „Evgenij Onegin“, Petr Čajkovskijs gleichnamiger Oper und Martha Fiennes' Verfilmung <i>Rainer Grübel (Oldenburg)</i>	
Пушкин как персонаж лирической поэзии «ленинградского андеграунда»	665
<i>Vladimir Markovič (St. Petersburg)</i>	
Das ABC der russischen Katastrophen	689
Tat'jana Tolstajas Roman „Kys“ <i>Christine Gölz (Hamburg)</i>	
Schriftenverzeichnis von Wolf Schmid	719
Autorinnen und Autoren	735

Рождение стиха из духа прозы

«Комаровские кроки» Анны Ахматовой

Роман Тименчик

Наблюдения над поздней лирикой Ахматовой показывают, что одним из основных сквозных глубинных мотивов ее является рождение стиха из случайного стечения впечатлений и воспоминаний. Тайные юбилеи, синхронизация разнородных новостей, переключки на воздушных путях через пространство и время со сверстниками-поэтами и великими тенями прошлого, диалог-поединок с современниками — все это превращает в стих кусочки окружающей природы, и роза могла бы быть чьим-то сонетом, и ветка бузины — письмом (стихотворением) Марины Цветаевой, и вывернутый корень старой сосны, дань модному в 1960-е годы «сучкотворчеству», культу созданных натурой *objets trouvés*, — ее собственным стиховым экфразисом.

Стихотворение *Комаровские кроки*, или *Нас четверо* являет собой один из самых наглядных, поддающихся экспликации, примеров такого обнаженного стихо-сложения, стихо-складывания.

В ноябре 1961 г., когда Ахматова лежала в кардиологическом отделении больницы им. В. И. Ленина в районе Гавани, на ее больничной тумбочке оказались московское *Избранное* Цветаевой и альманах *Тарусские страницы*. Посетительница запомнила:

Она взяла со столика синий томик и подала мне.

— Вот недавно вышла Цветаева, мне принесли.

Я открыла книгу, портрет Марины Ивановны.

— Когда я ее видела в последний раз, она уже была совсем не

такой. Дочь у нее в Москве... А ее могилу и найти уже не могут...¹

В поддразнивавшей цензуру публикации стихов и прозы Цветаевой в *Тарусских страницах*², после которой Ахматова плакала (15 ноября она сказала по этому поводу кардиологу К. К. Рессер: «Вообще плачу, когда вижу что-нибудь трогательное — пионеры идут или что-нибудь в этом роде»³), было несколько смысловых узлов, которые должны были задержать ее внимание: стихотворение *Сад* («Пошли мне сад | На старость лет [...] — Тот сад? А может быть — тот свет? —»), напоминающий об обретенной ею в 1955 году комаровской даче вкупе с «летним одиночеством и близостью к природе, которая давно напоминает мне только о смерти»⁴, стихи из цикла *Деревья* с мотивами леса, составленного из теней поэтов — «Други! Братственный сонм! | Вы, чьим взмахом сметен | След обиды земной. | Лес! — Элизиум мой!»⁵ | В громком таборе дружб [...]), величественной старости — «Осенняя седость. | Ты, Гётевский апофеоз!», и дендрологических символов мировой культуры — «Так светят пустыни. | И — больше сказав, чем могла: | Пески Палестины, | Элизиума купола...» (впрочем, в области

¹ *Иванова-Романова Н. М.* Встречи и проводы (Рукописный отдел ИРЛИ, Р. 1, оп. 2, № 71); ср.: «Хотя А. А. сказала о Цветаевой: „Я рада, что она вернулась такой королевой“, — имея в виду выход ее книги, — было понятно, что она не любила ни Цветаеву, ни ее стихов» (*Будыко М.* Загадки истории. Литературно-исторические эссе. Санкт-Петербург, 1995. С. 358).

² Ср. предсказуемую реакцию: «[О]горчает статья Всеволода Иванова о Марине Цветаевой. [...] Грохот его „Бронепоезда 14-69“ слышен по всему миру. [...] [З]ачем же, расталкивая других хороших поэтов, поднимать ее прямо на пятнадцатый этаж поэзии? [...] [С] рассказом *Кирилловны* можно было бы и вовсе подождать до более объемистого издания. Нет, не с позиции современной науки о литературе подано в *Тарусских страницах* творчество и Бунина и Цветаевой!» (*Молдавский Д.* О сборнике «Тарусские страницы» // *Звезда*. 1962. № 4. С. 213).

³ Копия дневниковых записей К. К. Рессер (Музей Анны Ахматовой в Санкт-Петербурге).

⁴ *Ахматова А.* Собр. соч.: В 6 т. Москва, 2001. Т. 5. С. 163.

⁵ В одном из черновиков Ахматовой есть запись отдельной фразы — конспект стиха или проект заголовка *Из моего элизиума теней* (Отдел Рукописей РНБ, ф. 1073).

поэтической дендрологии у Ахматовой был свой высший авторитет⁶), упоминание Данте в *Крике станций* («Не Дантов ли | Возглас: | „Надежду оставь!“»⁷, предсказание страшной поэтовой судьбы в *Заочности* («Словесного чванства | Последняя карта сдана. | Пространство, пространство, | Ты нынче — глухая стена!»), и наконец, замененное цензурным псевдонимом *Музе*⁸ неназванное свое привычное к умолчаниям имя перед стихотворением о замиренном бунте младшей против старшей:

Ты солнце в выси мне застишь,
Все звезды в твоей горсти!
Ах, если бы — двери настезь —
Как ветер к тебе войти!

⁶ Ср.: «[П]о ходу разговора о пантеизме, в ответ на мою реплику сказала — не продекламировала как стихи, а выставила, как довод, так что я стихи не сразу и услышал, начало гумилевского стихотворения из *Костра*: „Я знаю, что деревьям, а не нам, дано величье совершенной жизни“. И через мгновение, уже как стихи, уже для своего удовольствия, прочла напевно: Есть Моисей посреди дубов, | Марии между пальм...» (*Найман А.* Рассказы о Анне Ахматовой. Москва, 1999. С. 206).

⁷ Однако четыре года спустя она не включила М. Цветаеву в число своих современников, объединенных любовью к Данте — Мандельштам, Гумилев, Лозинский (*Записные книжки Анны Ахматовой (1958—1966)*. Москва; Тогоно, 1996. С. 678), так же, как не внесла ее в список выучеников И. Анненского (Пастернак, Мандельштам, Гумилев, Маяковский, Хлебников): «Знала ли Анненского М. Цветаева, не знаю» (*Записные книжки Анны Ахматовой*. С. 282), хотя читала у И. Эренбурга: «Иннокентий Анненский, стихи которого Цветаева любила...» (*Литературная Москва*. Сборник второй. Москва, 1956. С. 715).

⁸ Замена обоснована мотивами других цветаевских стихотворений к Ахматовой: «Что тебя, чей голос — о глубь! о мгла! — | Мне дыханье сузил, | Я впервые именем назвала | Царскосельской Музы» и взятым потом эпитафией к *Комаровским наброскам* — «О, Муза Плача, прекраснейшая из муз!», некогда процитированном уже в ахматовских стихах, когда строчку из «эпических отрывков» «Покинув рощи родины священной, | И дом, где муза, плача, изнывала» она переписала под цветаевский мадригал: «И дом, где Муза Плача изнывала», при том, что «рощи родины священной» — это именно Царское Село (см.: *Тименчик Р. Д.* Анна Ахматова. Тринадцать строчек. Из комментариев // *De visu*. 1994. № 5—6. С. 65).

И залепетать, и вспыхнуть,
И круто потупить взгляд,
И всхлипывая, затихнуть,
Как в детстве, когда простят.⁹

Но особенно ее остановила концовка очерка *Хлыстовки (Кирилловны)*: «Я хотела бы, говорит она, где бы я ни умерла, чтобы тут положили камень и написали: здесь хотела быть похороненной Марина Цветаева. А дальше страшная глупость!». ¹⁰ Перед процитированным ею финалом у Цветаевой появляется бузина в сочетании с памятным поколению 1910-х годов символом:

Я бы хотела лежать на тарусском хлыстовском кладбище, под кустом бузины, в одной из тех могил с серебряным голубем, где растет самая красная и крупная в наших местах земляника. Но если это несбыточно, если не только мне там не лежать, но и кладбища того уж нет, я бы хотела, чтобы на одном из тех холмов, которым Кирилловны шли к нам в Песочное, а мы к ним в Тарусу, поставили с тарусской каменоломни камень:

Здесь хотела бы лежать
МАРИНА ЦВЕТАЕВА¹¹

Название знаменитого романа о хлыстах в видении воображаемой могилы как бы ставило последнюю точку в ахматовской концепции Цве-

⁹ В подборке были и другие раздражавшие Ахматову моменты, например: «Два на миру у меня врага, | Два близнеца, неразрывно слитых: | Голод голодных — и сытость сытых». — «Недостойная поэта тема — богатые и бедные!» (*Воспоминания об Анне Ахматовой*. Москва, 1991. С. 589 (запись Н. И. Ильиной).

¹⁰ *Басалаев И.* Записи бесед с Ахматовой (1961—1963) / Публ. Е. М. Царенковой. Примеч. И. Колосова, Н. Крайневой. // *Минувшее. Исторический альманах* Санкт-Петербург, 1998. Т. 23. С. 575; никакого «дальше» в рассказе нет, и речь, возможно, идет о хлыстофильстве рассказа. Об очерке «Кирилловны», как и о почти всех других обсуждаемых ниже источниках «Комаровских кроки», ср.: *Найман А.* Воздух. Задыхание. Немота // *Русская мысль*. 1991. № 3906. 29 ноября.

¹¹ *Тарусские страницы*. Литературно-художественный иллюстрированный сборник. Калуга, 1961. С. 254; *Цветаева М.* Собр. соч.: В 7 т. Москва, 1994. Т. 5. С. 97.

таевой (и рикошетом — в ее сомнениях о Пастернаке¹²), включая литературную генеалогию последней (ср. в разговоре с Н. Струве: «У нас, — сказала она, — сейчас страшно увлекаются Цветаевой, но я считаю, что это отчасти потому, что у нас совершенно не знают Белого, а у Цветаевой очень много от Белого»¹³).

Бузина — дерево воспоминаний из андерсеновской *Бузинной матушки*: «Кто зовет меня Бузинной матушкой, кто Дриадой, а настоящее-то мое имя Воспоминание... Я все помню, обо всем могу рассказать», и Г.-Х. Андерсен в связи с Цветаевой мог бы вспомниться Ахматовой из-за письма восьмилетней Ариадны Эфрон, полученном в апреле 1921 года:

Читаю Ваши стихи *Четки* и *Белую Стаю*. Моя любимая вещь, тот длинный стих о царевиче. Это так же прекрасно, как Андерсеновская русалочка, так же запоминается и ранит — навек. И этот крик: Белая птица — больно! Помните, как маленькая русалочка танцевала на ножах? Есть что-то, хотя и другое.

Приписка М. И. Цветаевой:

Аля каждый вечер молится: — «Пошли, Господи, царствия небесного Андерсену и Пушкину, — и царствия земного — Анне Ахматовой».¹⁴

Мотив сокровенного дерева был частью диалога между Цветаевой и Ахматовой в 1941 году:

¹² «В романе все, кроме описаний природы, которые божественны, плоско, старомодно, неуклюже. [...] Вместо христианства — сатанизм» (*Ахматова А.* Набросок «для себя» / Публ. В. А. Черных // *Наше наследие*. 1998. № 45. С. 59).

¹³ *Ахматова А.* Сочинения. München, 1968. Т. 2. С. 342; ср.: *Виленкин В.* В сто первом зеркале. Москва, 1987. С. 40; ср. в стихах Цветаевой к Ахматовой: «Помолись за меня, краса | Грустная и бесовская, | Как поставят тебя леса | Богородицей хлыстовскою». Ср.: *Эткинд А.* Хлыст. (Секты, литература и революция). Москва, 1998. С. 582.

¹⁴ *Цветаева М.* Собр. соч.: В 7 т. Москва, 1994. Т. 6. С. 204—205; ср.: «У меня ноги отекли опять, на этот раз обе. [...] Шла по улицам, как андерсеновская русалка» (*Чуковская Л.* Записки об Анне Ахматовой. 1938—1941. Т. 1. Москва, 1997. С. 158).

Цветаева жаловалась на судьбу, была полна горечи и вдруг, наклонившись, сказала, как ходила смотреть дом, где прошло ее детство, и увидела, что там по-прежнему растет любимая липа. Она умоляла Ахматову никому не открывать эту тайну, иначе «они узнают и срубят»,¹⁵

и этот мотив связался двадцать лет спустя с темой написанного тогда же в больнице стихотворения: «Ты только присмотри, чтоб цел был дом поэта».¹⁶

Найденная в 1959 г. в Комарове и украшавшая тамошний дворик Ахматовой рассохшаяся лесина, которая «лежала около дома — прекрасная и неуклюжая, беспомощно растопырив причудливые отростки»¹⁷, перекликавшаяся с царскосельским¹⁸ *genius loci* из ахматовского *Вечера* — с мраморной статуей, поверженной под старым кленом¹⁹ (так что Ахматова могла бы повторить за Мандельштамом — «И ныне я не камень, а дерево пою»), напоминала своей звуковой формой («лесная коряга») и своими демонологическими валентностями о пастернаковской «лесной шишиге» в его стиховом кенотафе Цветаевой:

Мне в ненастьи мерещится книга
О земле и ее красоте.
Я рисую лесную шишигу
Для тебя на заглавном листе.

Ах, Марина, давно уже время,
Да и труд не такой уж ахти,
Твой заброшенный прах в реквиеме
Из Елабуги перенести.

¹⁵ Мандельштам Н. Вторая книга. Москва, 1990. С. 380.

¹⁶ Стихотворение Александр у Фив.

¹⁷ Друскин Л. Спасенная книга. Санкт-Петербург, 1993. С. 146.

¹⁸ В ахматовской лирике последнего десятилетия существенен обычно скрытый параллелизм (иногда — контраст) Царского Села и Комарова, земли родной и земли неродной, но памятной навсегда; на поверхность текста он выходит в финале *Приморского сонета* (1958): «И всё похоже на аллею | У царскосельского пруда».

¹⁹ См. стихотворение *А там мой мраморный двойник* (1911).

В молении о бузине бездомной и безмогильной Цветаевой,²⁰ напечатанном в *Избранном*, —

...Мне — мой куст под окном бузинный
 Дайте. Вместо Дворцов Искусств
 Только этот бузинный куст... —

присутствовали inferнальные краски:

Что за краски разведены
 В мелкой ягоде слаще яда!
 Кумача, сургуча и ада —
 Смесь [...] —,

возвращая к разговору 1941 года о двусмысленном финале *Молодца*. Цветаева тогда спросила:

«Как вы могли написать: *Отними и ребенка, и друга, и таинственный песенный дар...*? Разве вы не знаете, что в стихах все сбывается?» Я: «А как вы могли написать поэму *Молодец*?» Она: «Но ведь это я не о себе!» Я хотела было сказать: «А разве вы не знаете, что в стихах — все о себе?» — но не сказала.²¹

О *Молодце*, где Маруся, одержимая Нечистым, глумящимся над православной литургией, выбрала, в отличие от прототипической народной сказки, не земного мужа, а взлет в адский «огнь-синь», Цветаева писала:

Когда я пишу своего Молодца — любовь упыря к девушке и девушки к упырю — я никакому Богу не служу: знаю, какому Богу служу. [...] Все мои русские вещи стихийны, то есть

²⁰ См. об идее памяти и творчества, связанной с этим символом у Цветаевой: Ревзина О. Г. Тема деревьев в поэзии М. Цветаевой // Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Труды по знаковым системам. XV. Тарту, 1982. С. 141—148; Фарыно Е. «Бузина» Цветаевой // Wiener Slawistischer Almanach. 1986. Nr. 18. S.13—45; в *Избранном* входило и стихотворение *Дом* со строками — «От улицы вдали | Я за стихами кончу дни — | Как за ветвями бузины».

²¹ *Воспоминания об Анне Ахматовой*. Москва, 1991. С. 588 (запись Н. И. Ильиной); Цветаева, процитировавшая ахматовскую *Молитву*, в этом разговоре открестилась от своей героини Маруси, смилив гордыню, как это ей мерещилось в гимне *Ты солнце в выси мне застишь...*

грешны. Нужно различать, какие силы im Spiel. Когда же мы, наконец, перестанем принимать силу за правду, и чару за святость.²²

В 1925 году о каком-то «сатанизме» этой поэмы возник спор между Пастернаком и Анастасией Цветаевой, о чем Марина Цветаева писала Пастернаку:

[И]з самосохранения переселяюсь в свободу — полную. (Конец *Молодца*.)

Да, о Молодце, если помнишь, — прав ты, а не Ася. «Б<о-рис> по своей неслыханной доброте увидел в конце простое освобождение и порадовался за тебя».

Борис, мне все равно, куда лететь. И, может быть, в том моя глубокая безнравственность (небожественность). Ведь я сама — Маруся [...]. Я сама вздохнула, когда кончила, осчастливленная за нее — за себя. Что они будут делать в огонь-силь? Лететь в него вечно. Никакого сатанизма. [...] Борис, я не знаю, что такое кошунство.²³

Мнится, что интонационный отголосок *Молодца*²⁴ — 4-й главы, *Пирова-ваница*, — с ее лейтмотивом «С кем спала — не помню...» слышен в *Путем всея земли*:

²² Цветаева М. Собр. соч. Т. 5. С. 362.

²³ Цветаева М. Собр. соч. Т. 6. С. 249; Г. Адамович, между прочим, писал о *Молодце*: «Конечно, шириной, размахом, диапазоном голоса Цветаева значительно превосходит Анну Ахматову» (Адамович Г. Литературные беседы // Звено. 1925. 20 июля).

²⁴ Мы придерживаемся документированного текстуального анализа. Но в мире есть иные области, и в них бытуют интригующие переклички. Цветаева, когда писала *Молодца*, видела «Сон про Ахматову. (Волосы — лес — раздорожье)» (Цветаева М. Незданное. Сводные тетради / Подг. текста, предисл. и примеч. Е. Б. Коркиной, И. Д. Шевеленко. Москва, 1997. С. 153), а знакомец Ахматовой А. С. Дубов вспоминал, что в 1960-е годы Ахматова просила его принести ей *Молодца* — она хотела перечитать сцену «зимней поездки». Ср.: «Што там крутится | В серьгах-в блёскотах? — | Пурга — прутиком | Ко — ней хлэстает! | — Полно — грудые! | Круто — плечие! | — Пона — думалось, | При — мерещилось! | Вставай прахом, вставай пылью, | Вставай памятью со лба! | Уж ты крест-разъезд-развилье- | Раздорожьнице-судьба!».

В какой бы кровати
И с кем ни спала
От черных объятий
Встаю я бела.

Вполне возможно, что и *Поэма без героя* с ее предсказаниями адской расплаты за кумовство с бесовщиной откликается на «петушинный клич» и Херувимскую *Молодца*, но здесь хотелось бы подчеркнуть другое — предпочтения цветаевской Маруси «пересмешнически» вторят играм ахматовских героинь и героев:

Я спросила: «Чего ты хочешь?»
Он сказал: «Быть с тобой в аду».
Я смеялась: «Ах, напророчишь
Нам обоим, пожалуй, беду».

Или:

Мы прощались как во сне,
Я сказала: «Жду».
Он, смеясь, ответил мне:
«Встретимся в аду».²⁵

Недальний предок этой формулы — лермонтовский *Демон*:²⁶

Тамара
А наказанье, муки ада?

Демон
Так что ж? Ты будешь там со мной!²⁷

К этому первоисточнику отсылают адресата цветаевские стихи к Ахматовой:

²⁵ Ср.: «[А]д с горькой иронией вспоминается в часы предразлучного разговора, как место будущей встречи с разлюбившим» (*Виноградов В.* О символике А. Ахматовой // *Литературная мысль. Альманах.* Петроград, 1922. Т. I. С. 108).

²⁶ См.: *Тименчик Р.* Чужое слово у Ахматовой // *Русская речь.* 1989. № 3. С. 33—36.

²⁷ Ср.: «Гуковский говорит, что: [Будь же проклят. Ни стоном, ни взглядом | Окаянной души не коснись,] | Но клянусь тебе ангельским садом, | Чудотворной иконой клянусь | И ночей наших пламенным чадом | [Я к тебе никогда не вернусь] — это — клятвы Демона... Вообще литературная мифология 1910-х годов» (*Гинзбург Л.* Ахматова // *Воспоминания об Анне Ахматовой.* Москва, 1991. С. 138).

И спит, а хор ее манит
 В сады Эдема.
 Как будто песнями не сыт
 Уснувший демон!

Наконец, заметим, что перечень ахматовских находок в апологетическом цветаевском наброске 1917 года на тему «писания о себе» увенчивается ахматовской блудницей из стихотворения *Все мы бражники здесь...* («А та, что сейчас танцует, непременно будет в аду...»):

О творчестве Ахматовой. «Все о себе, все о любви». Да, о себе, о любви — и еще — изумительно — о серебряном голосе оленя, о неярких просторах Рязанской губ<ернии>, о смуглых главах Херсонесского храма, о красном кленовом листе, заложённом на Песне Песней, о воздухе, «подарке Божиим», об адском танце танцовщицы, и так без конца.²⁸

Подобный кругооборот слов и мотивов между двойниками подразумевается и в наброске ахматовского полу-причитания по Цветаевой, о такого рода особом взаимопонимании и толкующего:

Ты любила меня и жалела,
 Ты меня, как никто поняла,
 Для чего же твой голос и тело
 Смерть до срока у нас отняла.

Здесь, помимо намек на гумилевский *Заблудившийся трамвай*, цитирующий ахматовское *А люди придут и зароят мое тело и голос мой...*, возвращается долг Цветаевой, окликнувшей в стихотворении *Еще один огромный взмах...* ахматовские строки «В этой жизни я немало видела, только пела и ждала»²⁹:

Что делала в тумане дней?
 Ждала и пела...
 Так много вздоха было в ней,
 Так мало — тела.

²⁸ Цветаева М. Неизданное: Записные книжки: В 2 т. Т. 1: 1913—1919 / Подг. текста, предисл. и примеч. Е. Б. Коркиной, М. Г. Крутиковой. Москва, 2000. С.150.

²⁹ Из стихотворения *Помолись о нищей, о потерянной...*

О «демонизме» Цветаевой напоминали Ахматовой и ставшие ей известными давние цветаевские признания — «Есть (мне и всем подобным мне: ОНИ — ЕСТЬ) только щель [...] в блаженное царство *Frau Holle* (NB! ТО ЖЕ!) (*Holle-Holle...*)»³⁰, опять-таки «пересмеивающие» ахматовский катабазис.³¹

Первоначально поздний ахматовский ответ Цветаевой *Комаровские наброски* («Ветка бузины») сложился как восьмистишие о дуэте с рифмой, подсказанной дразнилкой из *Кирилловен* («Марина-малина, чего ж ты такая зеленая») —

Вот отчего [там] у восточной стены
В зарослях крепкой малины,
Свежая темная ветвь бузины,
Словно письмо от Марины.
И отступилась я там от всего,
От земного всякого блага.
Духом-хранителем «места сего»
Стала лесная коряга.³²

Проблема «восьмистиший», «восьмерок» как особой стиховой формы обсуждалась еще в Цехе поэтов: «Она удобна тем, что дает возможность поэту запечатлеть самые мимолетные мысли и ощущения, кото-

³⁰ Письмо к Ю. П. Иваску от 3 апреля 1934 г. — *Цветаева М.* Собр. соч. Т. 7. С. 386; *Русский литературный архив*: Сборник / Под ред. М. Карповича, Д. Чижевского. Нью-Йорк, 1956. С. 214; *Frau Holle* («Госпожа Метелица»), на прекрасные зеленые луга которой можно попасть, прыгнув в колодец — персонаж сказки братьев Гримм; ср. свидетельство знакомства с этой публикацией: «В конце жизни Цветаевой Эренбург был с ней в ссоре. В письмах она называла его „пошляком“. Поэтому он ей не помог» (*Будыко М.* Загадки истории. Литературно-исторические эссе. Санкт-Петербург, 1995. С. 358) — имеется в виду письмо от 1933 года: «Эренбург — [...] ЦИНИК НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ПОЭТОМ» (там же. С. 209; ср.: *Цветаева М.* Собр. соч. Т. 7. С. 381).

³¹ См.: *Тименчик Р. Д.* Автометаописание у Ахматовой // *Russian Literature*. Nr. 10/11. 1975. Pp. 217, 225—226.

³² *Записные книжки Анны Ахматовой*. С. 183.

рым никогда бы не выкристаллизироваться в настоящее стихотворение».³³

Мысли и ощущения больничного наброска Ахматовой клонились к некоторой торжественной архаике тона, к заразительной дейктической энергии³⁴ инверсии в полупроцитированном заклятии Евдокии Лопухиной,³⁵ уводя в языковые слои древней Руси, которые слышались Ахматовой в цветаевских причитаниях, за сорок лет до того ей адресованных:

Кем полосынька твоя
Нынче выжнется?
Чернокосынька моя!
Чернокнижница! [...]

Не загладить тех могил
Слезой славою.
Один заживо ходил —
Как удушенный.

Другой к стеночке пошел
Искать прибыли.
(И гордец же был — сокол)
Разом выбыли.

Высоко твои братья!
Не докличешься!

³³ Гумилев Н. Письма о русской поэзии. Москва, 1990. С. 180; о восьмистишиях у акмеистов см. также: Тименчик Р. Д.; Лавров А. В. Материалы А. А. Ахматовой в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома за 1974 год. Ленинград, 1976. С. 58—59; ср. в корректуре *Альманаха муз* (1916): «Восьмистишия. I. Ты мне не обещан ни жизнью ни Богом... II. Под крышей промерзшей пустого жилья...» (Музей Анны Ахматовой в Санкт-Петербурге, ф. З. Е. Г. Лисенков, оп. 1., д. 81).

³⁴ Ср. в воспоминаниях И. Ивановского: «Анна Андреевна поливает цветы. Идет по дорожке. Отводит рукой ветку бузины, указывает на нее глазами: — Письмо от Марины» (*Воспоминания об Анне Ахматовой*. Москва, 1991. С. 626).

³⁵ Ср.: «Покой царицы Евдокии Федоровны Лопухиной. Страницы — тени казенных. [...] Она перед домашним иконостасом проклинает Петербург: „Быть пусту месту сему“. 27 дек. 1959» (*Записные книжки Анны Ахматовой*. С. 89).

Яснооконька моя,
Чернокнижница!

Тогда в этих стихах современники сразу учуяли поединок ворожей:

Что Анна Ахматова — «колдунья из логова змиева»³⁶, это мы знаем давно; но когда читаешь эти, обращенные к ней стихи, она кажется простой, наивной и нелукавой рядом с Мариной Цветаевой, которой знакомы все заклятья, покорны все зелья.³⁷

Сама Ахматова угадывала в игре ахматовскими мотивами — ср.: «Я только сею. Собрать придут другие. Что же! И жниц ликующую рать благослови, о Боже!» — и в диссонирующих на петербургское ухо³⁸

³⁶ Гумилевское стихотворение 1911 года о «юродивой новобрачной» (*Записные книжки Анны Ахматовой*. С. 532) — «Из логова змиева, | Из города Киева, | Я взял не жену, а колдунью. [...] | Твержу ей: крещеному | С тобой по-мудреному | Возитья теперь мне не в пору; | Снеси-ка истому ты | В днепровские омуты, | На грешную Лысую Гору.» — Ахматова рассматривала в ряду других ведьминских воплощений своего образа в стихах Гумилева как «м<ожет,> попытки отшутить-ся» (*Записные книжки Анны Ахматовой*. С. 252).

³⁷ *Зноско-Боровский Е. А.* Заметки о русской поэзии // Воля России. 1924. № 3. С. 96; ср.: «Стихи Цветаевой к Ахматовой полны неожиданной ласковости, приоткрывают их сходжение в каких-то сокровенных русских глубинах: „Чернокосынька моя! Чернокнижница“» (*Струве Г.* Русская литература в изгнании. Нью-Йорк, 1956. С. 151).

³⁸ Ср.: «Очень слабый сборник, и поэтому посвящение „Анне Ахматовой“ звучит оскорбительно [...] С первой строки до последней, весь сборник — образец редкого поэтического убожества и безвкусицы...» ([Б. н.]. Рец. на кн.: Цветаева М. Версты. Москва, 1922 // Утренники. 1922. № 2. С. 153); ср. также: «Ее манеры порой слишком развязны, выражения вульгарны, суетливость ее нередко утомительна, но другой она быть не хочет, да и незачем. Все это у нее — подлинное: и яркий румянец, и горячий, непокладистый нрав, и московский распев, и озорной смех» (*Мочульский К.* Русские поэтессы. Марина Цветаева и Анна Ахматова // *Звено*. 1923. 5 марта; *его же*. Кризис воображения. Томск, 1999. С. 88); ср. впрочем в письме Цветаевой: «[Х]вала их мне еще неприемлемей их хулы: почти всегда мимо, не за то. Так, напр<имер>, сейчас в газетах хвалят не меня, а Любовь Столицу. [...] Добрососедская статья некоего Мочульского, напр<имер>, в парижском *Звене* — *Женская поэзия*, об А. и мне» (*Цветаева М.* Собр. соч. Т. 6. С. 558; ср. также об этой статье: «Незачем сопоставлять меня и Марину. Это неподотворно» (*Чужовская Л.* Записки об Анне Ахматовой. 1954—1962. Москва, 1997. Т. 2. С. 398). Ср. высказывания Ахматовой: «У нее глыбы дурного вкуса, которыми она ворочает»

тональностях задорного некролога (ср. ее слова по поводу других цветаевских поминок — «Каркает над кровью, как ворона»³⁹) какие-то враждебные пассы:

В стихах *Кем полосонька твоя нынче выжнется...* Цветаева ошибалась, считая, что А. А. была в близких отношениях с Блоком. Эти стихи А. А. считает не вполне доброжелательными, а другие стихи Цветаевой к ней — тем более.⁴⁰

Стихи Цветаевой, говорила Ахматова, как «песни» Ксении Годуновой, сотканы из стихии «смутного времени», «отголоски великой московской трагедии»⁴¹ — цветаевский прототип угадывался в плачах над портретом жениха, «которые, по словам Н. Трубицына, „сильно отзываются нашими народными причитаниями“».⁴²

Что ж уста твои
Не промолвили,
Очи ясные
Не проглянули?
Аль уста твои
Затворилися,
Очи ясные
Закатилися?..

Завершалось больничное восьмистишие самоотсылкой к недописанному стихотворению об убитом поэте и о безымянной могиле («Имя „мученика сего“»)⁴³.

(Громов П. Написанное и ненаписанное. Москва, 1994. С. 219); «Ей не хватало вкуса» (Шварц Е. Видимая сторона жизни // Звезда. 2000. № 7. С. 113).

³⁹ Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой. Т. 2. С. 412.

⁴⁰ Будыко М. Загадки истории. Литературно-исторические эссе. Санкт-Петербург, 1995. С. 358.

⁴¹ Бабаев Э. Воспоминания. Санкт-Петербург, 2000. С. 30.

⁴² Винокур Г. О. Комментарии к «Борису Годунову» А. С. Пушкина. Москва, 1999. С. 343.

⁴³ За два года до того мотив безымянной могилы поэта из *Жалоб Икара* Шарля Бодлера был прямо перенесен в недописанное стихотворение о Пушкине: «И отнять у них невозможно | То, что в руки они берут, | Хищно, бережно, осторожно | Как . . .»

Но затем ахматовский ответ Цветаевой «выкристаллизовался» в трехстрочное стихотворение — с чуть заметным усилием, через сознательно введенное «общее место» («жизнь — это только привычка») ⁴⁴ — о квартете поэтов, ⁴⁵ расширив число дриад (а уж себя она давно в них числила ⁴⁶) чуть ли не с цветаевской подачи: «Как я некогда, совсем иначе, лирически и иносказательно: „И все *твоими* очами глядят иконы!“ — об Ахматовой, так нынче, вполне достоверно и объективно, о Пастернаке: „И все *твоими* очами глядят деревья!“», ⁴⁷ но

. . . меж ладоней трут. || поэта убили, | Николай правей, чем Ликург. | Чрез столетие получили — | Имя — Пушкинский Петербург. || Безымянная здесь могила | | Чтобы область вся получила | Имя „мученика сего“» (26 декабря 1959) (*Ахматова А.* Собр. соч.: В 6 т. Москва, 1999. Т. 2. Кн. 2. С. 336—337; комм. Н. В. Королевой); набросок зафиксирован за день до записи о Е. Лопухиной с ее проклятием «месту сему».

⁴⁴ Об излюбленном А. К. Лозина-Лозинским афоризме «Жизнь — это дурная привычка», перекочевавшем в *Жизнь Клим Самгина* см.: *Горький М.* Полн. собр. соч. Москва, 1973. Т. 17. С. 397; в генеалогии этой фразы и пушкинское письмо: «...хотя жизнь и сладкая привычка, однако в ней есть горечь, делающая ее в конце концов отвратительной» (П. А. Осиповой, ок. 26 октября 1836 г.; подлинник по-французски), и финал гетевского *Эмонта*: «Süßes Leben! schöne freundliche Gewohnheit des Daseins und Wirkens! von dir soll ich scheiden!». См.: *Мурьянов М. Ф.* Пушкин и Германия. Москва, 1999. С. 123-131.

⁴⁵ Позднейшее название *Нас четверо* помимо отсылки к очевидному antecedенту — стихотворению Вордсворта *Нас семеро*, где деревенская девочка упрямо считает умершего брата и сестру за живущих («Nay, we are seven!»), также может иметь в виду известную Ахматовой публикацию в журнале *The Paris Review* в 1961 году (*Записные книжки Анны Ахматовой*. С. 224), где в подборке *Досье из русской поэзии* (A Portfolio of Russian Poetry) были представлены четверо из *Комаровских набросков* плюс А. Вознесенский.

⁴⁶ Ср. в варианте стихотворения *Все души милых на высоких звездах...* — «Над озером серебряная ива | Касается разгоряченных вод, | В ее дупле, как белочка пугливая, | Таинственная девушка живет», с видимой отсылкой к гумилевской царско-сельской музе из стихотворения *Памяти Анненского* — «И женщина, как серна боязлива...».

⁴⁷ *Цветаева М.* Собр. соч. Т. 5. С. 382; ср. об этой статье запись 21 сентября 1959 г.: «Я принесла ей Цветаеву: *Эпос и лирика современной России*. Она при мне перелистала статью как-то холодно и скептически. [...] „Как и все у Марины. Есть прозрения и много чепухи“» (*Чуковская Л.* Записки об Анне Ахматовой. Т. 2. С. 362, 364).

также и под влиянием вопроса неожиданного посетителя в больнице — Г. Недгара (Ю. Виленского): «Кто лучше — Пастернак, Мандельштам или Цветаева?»⁴⁸

Мандельштам должен был вспомниться после написания восьми-стишия и из-за бузины, некогда украсившей его комплимент Ахматовой за сопряжение далековатого — «В ее стихах [...] типический параллелизм народной песни с его яркой асимметрией двух смежных тезисов, по схеме: „в огороде бузина, а в Киеве дядя“»,⁴⁹ и по поводу самой «далековатости».

В больнице, после инфаркта, побывав в гостях у смерти, Ахматова все время возвращалась мыслями к недавно вышедшему второму выпуску нью-йоркского альманаха *Воздушные пути*, взявшего свой титул из повести Пастернака (прежде всего к статье Б. Филиппова о

⁴⁸ *Самойлов Д.* Памятные записки. Москва, 1995. С. 383—384 («А. А. ему ответила: „Мы должны быть счастливы, что жили в одно время с тремя великими поэтами. Не надо делать чучело из одного, чтобы побивать других“»); в пересказе Н. Камышниковой со слов Ю. Виленского: «Поэты не мальчишки, которые дерутся подушками в пионерлагере» (сообщено Г. Г. Суперфином).

⁴⁹ *Русское искусство.* 1923. № 1. С. 80; ср.: *Найман А.* Воздух. Задыхание. Немота. Ходовое присловье, ввернутое Мандельштамом, не раз, между прочим, адресованное представителям новой поэзии в начале века, в данном случае, надо полагать, обрастало курьезными биографическими мотивировками. В огороде мы застаем рассказчицу ранних ахматовских стихов: «На коленях в огороде | Лебеду полю», — а в Киеве у Анны Андреевны Горенко действительно жил дядя, муж тетушки Анны Эразмовны — мировой судья В. М. Вакар. Псевдокиевское происхождение Ахматовой сделал общераспространенной литературной легендой Гумилев («Из города Киева я взял не жену, а колдунью...»), но в ближайшую генеалогию мандельштамовского «укола» можно внести и то обстоятельство, что эту пословичную формулу склонен был применять к современной женской лирике пользовавшийся сочувствием Мандельштама поэт и критик Иван Аксенов — он писал о рукописи сборника одной поэтессы (Е. Волчанецкой), что в книге довольно настойчиво проводится схема «в огороде бузина» (РГАЛИ, ф. 1640, оп. 1, ед. хр. 7, л. 2). Меж тем именно Иван Аксенов был шафером на той самой киевской свадьбе, которая вызвала гумилевское стихотворение.

*Поэме без героя*⁵⁰). Но в том же выпуске было напечатано с посвящением «А. А. А.»⁵¹ мандельштамовское —

Сохрани мою речь навсегда за привкус несчастья и дыма,
За смолу кругового терпенья, за совестный деготь труда, —

где стакнутые «смола» и «круг» выделяют друг в друге inferнальные, дантовские⁵² обертоны — в тройчатке эпитафий, впоследствии подобранной Ахматовой к этому стихотворению, Мандельштам представлен строками из экспромта 1913 года:⁵³ «Ужели и гитане гибкой

⁵⁰ *Записные книжки Анны Ахматовой*. С. 172, 182, 189.

⁵¹ Ср. комментарии Н. Я. Мандельштам: «Само стихотворение *Сохрани мою речь...* не посвящалось никому. О. М. мне сказал, что только А. могла бы найти последнее нехватавшее ему слово — речь шла об эпитете „совестный“ к дегтю труда. Я рассказала об этом А. А. — „он о вас думал“ (это его буквальные слова) потому-то и потому-то... Тогда А. А. заявила, что, значит, он к ней обращается и поставила над стихотворением три „А“» (*Мандельштам Н.* Книга третья. Париж, 1987. С. 156; *Жизнь и творчество О. Э. Мандельштама*. Воронеж. 1990. С. 204—205). Это стихотворение Мандельштама завершается строкой: «И для казни петровской в лесах топориче найду». Три года спустя в своем антисталинском стихотворении Мандельштам назвал казни уже без историко-культурного грима и сказал Эмме Герштейн о финале («Что ни казнь у него, то малина. И широкая грудь осетина»): «Это плохой конец. В нем есть что-то цветаевское» (*Герштейн Э.* Мемуары. Санкт-Петербург, 1998. С. 51) — если Э. Г. Герштейн пересказывала этот разговор Ахматовой, то сквозь комаровскую малину пролегла еще одна воздушная тропинка от Цветаевой к Мандельштаму.

⁵² Днем кануна этого стихотворения, возможно, датирована запись Мандельштама о чтении Некрасовского *Власа*: « „Говорят, ему видение | Все мерещилось в бреду: | Видел света преставление, | Видел грешников в аду“. [...] Картина ада. Дант лубочный из русской харчевни: „Черный тигр шестокрылат... | Влас увидел тьму крошечную...“» (*Вопросы литературы*. 1968. № 4. С. 201 / Публ. А. А. Морозова и В. М. Борисова); здесь в ассоциативное поле писавшего могло попасть и ахматовское стихотворение конца 1912 года: «Умирая, томлюсь, о бессмертье. | Низко облако пыльной мглы... | Пусть хоть голые красные черти, | Пусть хоть чан зловонной смолы!...». В силу этих размышлений об иконографии ада единство формулы единства «смола кругового терпенья» может поддерживаться и произнесенным паронимическим именем смоляных лаков, употреблявшихся живописцами, — терпентина.

⁵³ Ср.: «Черты лица искажены | Какой-то старческой улыбкой. | Кто скажет, что гитане гибкой | Все муки Данте суждены?» Ср. в *Листках из дневника*: «[Н]аброском с натуры было четверостишие *Черты лица искажены...* Я была с Мандельштамом

все муки Данта суждены» (Пастернак — посвящением Ахматовой 1929 года: *Таким я вижу облик Ваш и взгляд...* [Он мне внушен не тем столбом из соли...], Цветаева— кивающим в сторону демонологии славословием 1916 года: *О, Муза Плача* [(...), прекраснейшая из муз! О ты, шальное исчадие ночи белой! Ты черную насылаешь метель на Русь...])».

«Смола кругового терпенья» слепляет для Ахматовой четырех поэтов, и квадратура этого круга⁵⁴ предполагает на вершинах четырехугольника подземные огни, горящие прежде всего в стихах Пастернака 1921 года (один из толчков к будущему названию комаровских набросков — *Нас четверо*):

на Царскосельском вокзале. Он смотрел, как я говорю по телефону, через стекло кабины. Когда я вышла, он прочел мне эти четыре строки...»; ср. *Разговор о Данте*: «Искусство речи именно искажает наше лицо, взрывает его покой, нарушает его маску...»; ср.: *Хазан В. О. Мандельштам и А. Ахматова*: Наброски к диалогу. Грозный, 1992. С. 118; почти за тридцать лет до того Цветаева выделила из современников «троих — по совершенству их личности: А. Ахматову, О. Мандельштама и Бориса Пастернака, поэтов, родившихся сразу с собственным словарем и максимальной оригинальностью» (*Цветаева М. Собр. соч. Т. 5. С. 404*).

⁵⁴ Поэтому кажется, что строки «То лесьтю новогоднего сонета, | Из каторжных полученного рук, | То голосом бессмертного квартета, | [Когда вступала я в волшебный круг]» (*Записные книжки Анны Ахматовой. С. 600*) допускают толкование квартета как круга поэтов «кругового терпенья», коих четверо; здесь, вероятно, отголосок любимого Ахматовой стихотворения Фета *На корабле* (*Бабаев Э. Воспоминания. Санкт-Петербург, 2000. С. 22*), поддерживающего тему «воздушных путей»: «Душа в тот круг уже вступила, | Куда невидимая сила | Ее неволей унесла. || Ей будто чудится заране | Тот день, когда без корабля | Помчусь в воздушном океане | И будет исчезать в тумане | За мной родимая земля», но ср. мнение Я. Гордина о том, что «бессмертный квартет» — сыгранный С. М. Волковым и его друзьями опус Шостаковича (*Волков С. Визит к старой даме // Независимая газета. 2000. 18 мая*).

Нас мало. Нас может быть трое
Донецких, горючих и адских [...]
Мы были людьми. Мы эпохи [...]⁵⁵
И — мимо! — Вы поздно поймете....

затем в его стихах 1929 года, вводящих в круг Цветаеву:

...Любую бльь сметут как сон,
Поэта в ней законопатив.

Клубясь во много рукавов,
Он двинется, подобно дыму,
Из дыр эпохи роковой
В иной тупик непроходимый.

Он вырвется, курясь, из прорв
Судеб, расплющенных в лепеху,
И внуки скажут, как про торф:
Горит такого-то эпоха.

Нечистый «огнь — синь» *Молодца* Ахматова гасит встречной стеной огня, того, который опаливал поэтов, спускавшихся в ад, и вернувшихся оттуда (по наставлению Брюсова поэтам, «как Данте подземное пламя должно тебе щеки обжечь») — повторяя реминисцентный ход своего стихотворения 1942 года:

Седой венец достался мне не даром,
И щеки, опаленные пожаром,
Уже людей пугают смуглотой.
Но близится конец моей гордыне,
Как той, другой — страдальце Марине, —
Придется мне напиться пустотой.

На переключке поэтов память о сокровенности союза-тетраптиха живет в запретности аллюзии, что иконически отразилось в сокращении крамольного «возд.» в стиховой (!) строчке:

⁵⁵ Ср.: «[П]астернаковское превращение, „Мы были людьми, мы эпохи“, ведет [...] к дантовому *Аду*: „Мы были люди, а теперь деревья“» (*Ронен О.* Прописи // *Звезда*. 2002. № 7. С. 223).

...И отступилась я здесь от всего,
От земного всякого блага.
Духом, хранителем „места сего“
Стала лесная коряга.

Все мы немного у жизни в гостях,
Жить — это только привычка.
Чудится мне на возд<ушных> путях
Двух голосов перекличка.⁵⁶

Вот отчего у восточной стены,
В зарослях крепкой малины,
Темная свежая ветвь бузины...
Словно письмо от Марины.

1961. 19—20 ноября. Больница. Гавань⁵⁷

Закрепленное Ахматовой трехгласие вряд ли звучало для нее в унисон — голоса спорили, как спорили при жизни, и двусмысленному цветаевскому комплименту «Ты, срывающая покров», делающему адресата какой-то «анти-Богородицей»,⁵⁸ противостоял звук фразы Мандельштама: «О. М. говорил мне: „Вы, как под покров людей принимаете, когда говорите с ними“».⁵⁹

⁵⁶ Ср. первый набросок второй строфы: «. шутя | Жить — привычка | [Слышится] Чудится мне на воздушных путях | Двух голосов перекличка.» Цветаевским эпиграфом первоначально должно было быть «Златоустой Анне всея Руси» (Отдел рукописей РНБ, ф. 1073, № 169).

⁵⁷ *Записные книжки Анны Ахматовой*. С. 184.

⁵⁸ См. об этом: *Шевеленко И.* Литературный путь Цветаевой. Идеология — поэтика — идентичность автора в контексте эпохи. Москва, 2002. С. 129.

⁵⁹ *Записные книжки Анны Ахматовой*. С. 636. Видимо, подозрение в амбивалентности славословия перенеслось и на почитательницу Цветаевой — см. эпизод визита юной поэтессы: «Ахматова спросила [...], кого я люблю. Я сказала — Цветаеву, и протянула небольшую статью о Цветаевой, апофеоз. [...] „Ну, а стихи?“ — спросила она. Я протянула ей несколько перепечатанных на машинке листков, она сразу (естественно) остановила свой взор на стихотворении, посвященном ей, восторженном и нелепом. Там говорилось о том, что за нее и молиться не надо, ангелы и Бог и так знают. „Вы что, призываете не молиться за меня?“ — воскликнула она гневно. „Да нет... наоборот“. „За меня вся Россия молится! А вы призываете не молиться“. Видя, что она не понимает и не хочет понять лестного смысла стихотворения, оскорбленная этим, я встала и, не прощаясь, ушла» (*Шварц Е.* Видимая сторона жизни // *Звезда*. 2000. № 7. С. 113).

Ветка черной бузины (*sambucus nigra*) — еще одна «окровавленной юности нашей» «черная нежная весть» («грозовая» и даже тавтологическая «вещая грозная весть»⁶⁰), отсылающая к семиотике осенних плодов в стихотворении 1916 года —

И окровавлены кусты
Неспешно зреющей рябины,⁶¹ —

где они появляются рядом с пушкинской тенью в Царском Селе, пророча через отсылку к Блоку и Анненскому⁶² о вековечной судьбе поэта.

⁶⁰ Из обращенного к тени О. Мандельштама стихотворения 1957 года *Я над ними склонюсь, как над чашей...* (Ахматова А. Собр. соч. Т. 2. Кн. 1. С. 196, 578—579; комм. Н. В. Королевой).

⁶¹ Современников эти две строки «пленяли своеобразностью» (Краницфельд Е. Литературные наброски // Огоньки. Одесса. 1918. № 15. С. 13); ср. об этой же строфе: «Разнообразнее, богаче и крепче стал самый стих поэтессы, достигающий подчас возможных пределов живописного и ритмического совершенства» (Гроссман Л. Год замирающей культуры // Одесский листок. 1919. 1 января; Особое приложение *Итоги 1918 г.*).

⁶² О переключке блоковского — «Когда в листе сырой и ржавой | Рябины заалет гроздь, — | Когда палач рукой костлявой | Вобьет в ладонь последний гвоздь [...]» (*Осенняя любовь*) и анненского — «Да из черного куста | Там и сям сочатся грозди | И краснеют... точно гвозди | После снятого Христа» (*Конец осенней сказки*) — см.: *Литературное наследство*. Москва, 1981. Т. 92. Кн. 2. С. 321